

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО АНАТОЛИЯ (МЛАДШЕГО) ОПТИНСКОГО

С юных лет преподобный Анатолий стремился к духовной жизни, но мать не отпускала его в монастырь, и только после ее смерти, 15 февраля 1885 года, когда ему было уже тридцать лет, пришел в Оптину пустынь калужский приказчик Александр Потапов. Вскоре брата Александра благословили быть келейником у преподобного старца Амвросия. Уже в эту пору открылся у преподобного Анатолия дар любви, сострадания, прозорливости.

Приняв монашеский постриг 3 июня 1895 года, он постепенно входил в старческий труд и после кончины старцев преподобного Иосифа и преподобного Варсонофия вместе с преподобным Нектарием стал продолжателем старческого духовного делания. Старцы не отвергают никого, но так уж сложилось, что к преподобному Нектарию стремились монашествующие и интеллигенция, а к преподобному Анатолию шел простой люд со своими хлопотами и жалобами, скорбями и болезнями.

Всегда смиренный и никогда не унывающий – в народе его ласково называли «утешителем», а еще – «вторым Серафимом». И действительно, та же любовь, радостный и светлый лик, всего несколько мудрых слов, простой подарок... А главное – совершенно особая атмосфера, царившая вокруг старца, оказавшись в которой, человек чувствовал себя как бы «побывавшим под благодатным золотым дождем».

На благословение к старцу, на соборование, на исповедь всегда стекалось множество людей. Из братского корпуса старцу Анатолию пришлось перейти в притвор Владимирского храма. И часто приходилось видеть такую картину: в монастыре полное затишье, не видно даже монахов, а Владимирская церковь открыта и полна народу. Батюшка принимал всех без ограничения времени, несмотря на бесконечную усталость, на мучительную боль от ущемления грыжи, боли в кровоточивших ногах. Одно время он вообще не ложился спать, позволяя себе вздремнуть лишь на утрени, во время чтения кафизм. Преподобный был всегда приветливым, постоянно ласковым, сердечным, готовым всегда отдать себя тому, кто приходил к нему с той или иной нуждой или скорбью.

Однажды пришел к преподобному попавший в затруднительное положение крестьянин, оставшийся с семьей без

крыши над головой, имея за душой лишь 50 рублей денег. Ему неоткуда было получить помощь. От горя он впал в отчаяние, по-деревенски закручинился и первым делом решил пропить эти деньги, оставить жену с ребятишками, а самому идти в Москву в работники. Но недаром говорят: утро вечера мудренее. Наутро первая мысль в голову: «Сходи к старцу Анатолию», да и только. И пошел. Подходит под благословение, старец благословляет, как будто в лоб два раза ударяет, и кладет благословение медленно, чинно, а крестьянин и говорит: «Погибаю я, батюшка, хоть совсем умирай» – «Что так?» – «Да вот, так и так...» – и все рассказал крестьянин старцу. Старец Анатолий еще раз благословил его и сказал: «Не падай духом, через три недели в свой дом войдешь». Так оно и случилось, помог ему Господь и дом построить, и другим человеком стать.

Преподобный Анатолий любил Россию, русский народ и предсказывал: «Будет шторм. И русский корабль будет разбит. Но ведь и на щепках и на обломках люди спасаются. Не все погибнут... А потом будет явлено великое чудо Божие, и все щепки и обломки соберутся и соединятся, и снова явится великий корабль во всей своей красе! И пойдет он путем, Богом предназначенным!»

Но сначала Оптиной и ее последним старцам предстояло вместе с Россией взойти на свою Голгофу. Преподобный

Анатолий писал одному из духовных чад, готовя к предстоящему: «Бойся Господа, сын мой, бойся потерять уготованный тебе венец, стой в вере и, если нужно, терпи изгнание и другие скорби, ибо с тобой будет Господь».

После закрытия Оптиной пришли с обыском и к преподобному Анатолию, вытащили из келлии то небольшое, что он не успел еще раздать чадам. За обыском последовал арест. Больного старца повезли в тюрьму, но по дороге его состояние ухудшилось, и он оказался в больнице, где ему, как тифозному, тут же остригли волосы и бороду. Когда же выяснилось, что его по ошибке приняли за тифозного больного, врач отпустил его. Вернулся он обитель измученный, еле живой, но со светлой улыбкой благодарением Господу на устах.

29 июля 1922 года в монастырь нагрянула комиссия ГПУ. Начались допросы. Готовились к аресту умирающего старца. Он не противился, только попросил себе отсрочки на сутки, чтобы подготовиться. Келейнику отцу Варнаве грубо приказали к завтрашнему утру приготовить старца к отъезду. Воцарилась тишина, старец стал готовиться в путь.

Ночью ему стало худо. Позвали доктора, но тот не нашел ничего, угрожающего жизни. Под утро келейник нашел старца стоящим на коленях. Войдя в келию через несколько минут, отец Варнава понял, что старец Анатолий тихо отошел ко Господу.

Наутро приехала комиссия. Вышли из машины: «Старец готов?» – «Да, готов», – ответил отец Варнава. И впустил их в келию. Там, на столе, в гробу лежал «приготовившийся» почивший старец. Господь принял готового Своего раба в ночь на 30 июля/12 августа 1922 года. «Честна пред Господом смерть преподобных Его» (Пс.115:6).

Его погребли возле могилки преподобного Амвросия, на том самом месте, где он долго стоял за две недели до смерти, повторял: «А тут ведь вполне можно положить еще одного. Как раз место для одной могилки. Да, да, как раз...»

«Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя... Пред кончиною своею будешь благодарить Бога не за радости и счастье, а за горе и страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет душа твоя возноситься к Богу», – так учил своих чад преподобный Анатолий и жизнью своей, и блаженной кончиной.

ПОЧЕМУ В БИБЛИИ ТАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИДАЕТСЯ ИМЕНАМ?

«И дали ему такое-то имя, ибо...»; «недаром имя его таково...» – в Библии мы то и дело встречаемся с подобными выражениями. Но неужели имя действительно определяет судьбу человека? А что означают переименования, которые тоже встречаются в библейских рассказах?

МИР, ПОЛНЫЙ ИМЕН

Когда у нас родилась вторая дочь, мы долго думали, как ее назвать. Некоторые имена явно не подходили к ее сморщенному младенческому личику, некоторые не нравились нам. Наконец, мы остановились на имени Дарья. «Ура! – закричала ее четырехлетняя сестра, – ей можно будет подарки дарить!» Такой подход к наречению имени может показаться нам смешным и наивным, но когда-то люди считали его самым правильным. Именно так относились к именам библейские авторы.

С древности и до наших дней люди спорят, что такое имена вещей: случайно наклеенные ярлыки или отражение их таинственной сущности. Сегодня чаще дают первый ответ, но в древности более естественно звучит второй. Вот как начинается аккадская поэма о сотворении мира «Энума Элиш» (конец II тысячелетия до н.э.):

Когда вверху не названо небо, А суша внизу была безымянна, Апсу первородный всесотворитель, праматерь Туамат, что все породила, Воды свои воедино мешали. Тростниковых загонов тогда еще не было, Тростниковых зарослей видно не было. Когда из богов никого еще не было, Ничто не названо, судьбой не отмечено, Тогда в недрах зародились боги, Явились Лахму и Лахаму и именем названы были.

Иными словами, пока элементы мира не названы, мир еще и не сотворен. Вызвать из небытия – только половина дела, вторая половина – «дать имя». Примерно так и описывает это Библия: «И сказал Бог: Да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт 1:3–5).

В библейском рассказе о сотворении мира наречение имени служит последним штрихом, которым Творец завершает Свое творение. С момента сотворения человека он тоже включается в этот процесс: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт 2:19). Творец в определенном смысле слова уступает здесь человеку Свое право нарекать имя, приобщая его тем самым Своему творчеству и Своей власти над сотворенным миром.

Кстати, в последующие века люди

немало спорили над толкованием этого места: по своему ли выбору Адам давал каждому животному имя, или же он угадывал то имя, которое изначально было ему присуще? По сути, это вопрос о природе языка, об употреблении имен и слов: он произвольны или же отражают некие объективные качества называемых предметов? Сегодня мы более склоняемся к первой точке зрения, но в древние времена популярнее была вторая. И в любом случае в книге Бытия мы видим, что наречение имени вовсе не случайный акт – оно, по сути, завершает творение, устанавливая или подтверждая свою власть над сотворенным миром.

Не случайно и Христос дает в один из самых важных моментов Своему апостолу новое имя: «Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18). Природное имя этого человека было Симон, но Христос отныне называет его «камнем» (по-гречески таково значение имени Петр), и под этим именем он известен и нам. Это уже не простой рыбак с именем Симон, а великий апостол... Примерно по тем же причинам новое имя дается и сегодня при монашеском постриге: тот же самый человек начинает новую жизнь, поставляется на особое служение.

ЧТО ОЗНАЧАЕТ ИМЯ?

Но что означают имена? Многие из них обладают ясным и недвусмысленным значением. Например, Тамара (в русском переводе – Фамарь) – это финиковая пальма, замечательное растение, которое давало людям и изысканную пищу, и строительный материал. Но далеко не всегда смысл имени раскрывается так просто, причем это касается не только Библии, но и многих других древних текстов. Например, главного героя шумеро-аккадского эпоса аккадцы называли Гильгамеш (так вошло и в русский язык), но шумеры произносили его имя как Бильгамес. Истолковать его, казалось бы, нетрудно: бильга означает «предок» или «старик», а мес – «герой» или «юноша». Может быть, это «предок-герой»? Вполне вероятно. Или «старик-юноша»? Тоже возможно, ведь покровителем Гильгамеша выступало

солнечное божество Уту, а о солнце можно сказать, что оно каждый день рождается и умирает. А к этому можно добавить, что вообще-то слово мес означало определенную породу деревьев, а слово бильга – можно перевести как «ветвь, побег». Тогда у нас получится «ветвь дерева мес».

Кстати, и имя самого первого человека, Адама получает в книге Бытия своеобразное двойственное объяснение. Собственно, адам и значит «человек», и это слово связывается со словом адама, «почва, земля». Книга Бытия говорит: «...всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека (адам) для возделывания земли (адама), но пар поднимался с земли и орошал все лицо земли. И создал Господь Бог человека (адам) из праха земного (афар-хаадама)...» (2:5–7). Таким образом, почва, земля оказывается не только материалом, из которого создается человек, но и, напротив, точкой приложения его творческих усилий. Землю можно считать здесь образом нашего материального мира: с одной стороны, человек создан Богом из его элементов, а с другой – без человека созданный Богом мир не сможет полноценно плодоносить.

Часто имя состояло не из одного слова, а из целой фразы. Если разделить на слоги имя Ми-ха-ил, у нас получится древнееврейский вопрос «кто как Бог?». Все семитские народы, кстати, любили имена, оканчивающиеся на -ил или -эль, что означает «Бог».

Например, Гавриил – это «мощь Божья». Могли слова идти и в другом порядке: Елиезер (он же по-гречески Лазарь) – «Бог помог»; именно так, кстати, звали безвестного нищего из притчи о нищем и богаче (Лк 16:19–31), а еще друга Иисуса, которого Он воскресил накануне Собственной смерти (Ин 11). Очень значимое имя!

А есть ли имя у Самого Бога? В книге Исход Моисей спрашивает Его об этом и получает такой ответ: «Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам» (Исх 3:14). Слово «Сущий» появилось еще в древнегреческом переводе (Септуагинте), но еврейский текст можно понять скорее так: «Я есть Тот, Кто Я есть». Бог не называет никакого имени, Он лишь утверждает Свое существование, более того – свое присутствие в жизни Моисея. Я есть и Я с тобой, – говорит Он, – и этого достаточно. Действительно, имя нужно нам, чтобы выделить одного человека из толпы других, но Единый Бог не нуждается в таком выделении.

Тем не менее, древние евреи обращались к Богу в том числе и по имени, уже хотя бы потому, что другие народы давали своим божествам имена, и говорить о «боге вообще» было невозможно.

Это имя, берущее свое начало как раз от процитированного отрывка из Исхода, звучало очень похоже на выражение «Я Есть», хотя мы сегодня точно не знаем, как именно его произносили; самая пространственная реконструкция звучит как Яхве или Ягве. Дело в том, что имя Божие все же было слишком священным, чтобы употреблять его в повседневной жизни, и его стали заменять словом адонай, т.е. «мой Господин, Господь» — из еврейского эта традиция перешла и во многие языки мира, включая русский.

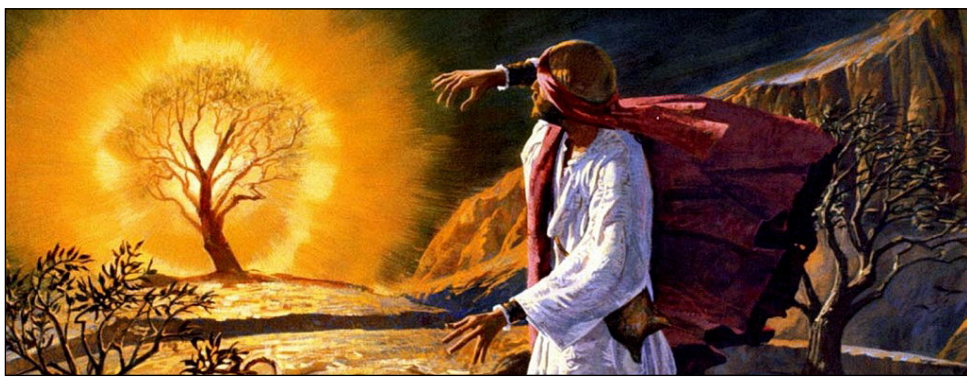
Иногда это имя произносят как Йегова, но это, на самом деле, полное недоумение. В этом слове соединились согласные ЙГВ от имени Яхве и гласные ЭОА от слова адонай (только первая из них читается иначе). Это связано с тем, что изначально древнееврейский текст Библии записывался почти одними согласными. Знаки для гласных были добавлены только в раннем Средневековье, и евреи, не желая произносить подлинное имя Божие и заменяя его словом адонай, добавили к этим согласным и соответствующие значки для гласных. То, что получилось в результате, можно было бы прочитать как йегова, хотя, конечно, никто никогда так это слово не читал. Поэтому можно сказать, что вероучение свидетелей Йеговы начинается с неверного прочтения того самого имени, которое они так почитают.

ИМЯ КАК ПРОРОЧЕСТВО

Если имя понималось как отражение сущности человека, то одновременно оно могло быть и пророчеством о его будущем. Вот как, например, получил свое имя один из патриархов, Иаков. Он был одним из двоих близнецов, причем из чрева матери он вышел, держась за пятку своего брата. Имя Иаков (на древнееврейском Иааков) созвучно слову йеакав — «заставил споткнуться», буквально «упяточил». Казалось бы, это совершенно внешняя, не имеющая значения деталь... Но дальше в Библии описывается, как Иаков стал первенцем вместо своего брата, Исава. И тогда «сказал Исава: «Не потому ли дано ему имя: Иаков, что он запнул меня (дословно “упяточил”) уже два раза?» (Быт 27:36).

В дальнейшем этот человек получил новое имя, Израиль, и это имя стало названием произошедшего от него народа. Его лингвистическая этимология до сих пор неясна, однако в библейском тексте мы находим то, что современный ученый назовет наивной «народной этимологией». В той же книге Бытия рассказывается о борьбе Иакова с таинственным незнакомцем, который под конец поединка дает Иакову новое имя:

«Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом» (32:28). Автор недвусмысленно связывают здесь имя Израиль (Ийсраэль) с глаголом сара «бороться» (современные лингвисты с этой этимологией не согласны) и с существительным эль, «Бог» (а вот эта связь как раз совершенно бесспорна).

Однако на самом деле говорить здесь об этимологии в современном смысле слова невозможно, потому что древние евреи и не подозревали о грядущем зарождении этимологической науки. Но для древних авторов само это случайное, казалось бы, звуковое сходство становится фактом исключительной важности.

Как первое имя описывает историю отношений Иакова с братом, так во втором в каком-то смысле сокрыта история его отношений с Богом, замысел Которого Иаков постоянно стремился «подправить». Он, присвоив себе первородство и отцовское благословение, бежал далеко от дома, и в результате добился-таки того, чего хотел... Позднее пророк Осия скажет об Иакове-Израиле, имея в виду оба его имени: «Еще во чреве матери запинал он брата своего, а возмужав, боролся с Богом» (12:3).

Но само по себе совпадение звуков еще ни о чем не говорит, должна сойтись и внутренняя суть событий. В Ветхом Завете мы читаем пророчество Исаии о грядущем рождении чудесного младенца: «Дева... родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (7:14). Но в Новом Завете евангелист Матфей так передает весть, которую ангел возвести Иосифу: «...родит Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (1:21) — и тут же он цитирует Исаию, где названо совсем другое имя! Евангелист не находил ничего странного в том, что не совпадает звучание имен, ведь совпадает их смысл: Еммануил (по-древнееврейски имману-эль) переводится как «с нами Бог», а Иисус (Йехошуа или просто Йешуа) означает «Господь спасает». Эти имена гармонично дополняют друг друга и рассказывают людям о том, что за Младенец приходит под этими именами в мир.

ИМЯ КАК НАСМЕШКА?

Итак, имя, с точки зрения Библии, говорит нечто важное о будущем человека, но о точном смысле пророчества он и сам порой не догадывается. В книге Судей мы читаем историю тучного моавитского властителя по имени Еглон, которое происходит от слова эгель, «телец». Моавитский язык был очень близок к еврейскому (собственно, их можно считать двумя диалектами одного языка), так что значение этого имени понималось одинаково и моавитянами, и евреями, но очень по-разному могло выглядеть его конкретное напол-

нение. Телец — символ мощи и величия, и царю такое имя подходит как нельзя лучше. Но, с другой стороны, раскормленный телец может быть заколот, что на самом деле и происходит, когда к Еглону приходит израильтянин Аод.

Не случайно текст так подробно описывает «технология» заклания: «Аод вошел к нему: он сидел в прохладной горнице, которая была у него отдельно. И сказал Аод: У меня есть до тебя слово Божие. Он встал со стула, Аод простер левую руку свою и взял меч с правого бедра своего и вонзил его в чрево его, так что вошла за острием и рукоять, и тук закрыл острие, ибо Аод не вынул меча из чрева его, и он прошел в задние части» (3:20–22). Действительно, «слово Божие» в данном случае и состояло в том, что имя Телец получило теперь совершенно новое толкование!

Переименование может выражать и насмешку. Во многих местах Ветхого Завета мы читаем о языческом божестве по имени Веельзевул (на древнееврейском Баал-зевув, то есть «властелин мух»). По-видимому, это — презрительное прозвище, данное библейским автором предмету поклонения язычников. Сами язычники, вероятно, вместо слова зевув («муха») употребляли близкое по звучанию слово зевул, означающее «высокое жилище». Действительно, божество куда приличнее называть «владельцем небесного дворца», чем «повелителем мух»! Но для евреев было важно развенчать это божество, и перемена имени оказывалась тут действенным способом.

Слова не бывают случайными — подсказывает нам Библия, — и в особенности это касается имен. У них, конечно же, нет какой-то магической силы, которая могла бы определять судьбу их носителей. Но они могут служить своего рода знаками, помогающими нам разобраться в самой сути вещей.

Андрей Десницкий

Расписание богослужений с 13 по 19 августа 2018 г.		
13 августа Понедельник	Прав. Евдокима Каппадокиянина	17:00 Вечерня. Утренняя. 1 час <i>/иерей Александр/</i>
14 августа Вторник	ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕСТНЫХ ДРЕВ ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ. СЕМИ МУЧЕНИКОВ МАККАВЬЕВ, МАТЕРИ ИХ СОЛОМОНИИ И УЧИТЕЛЯ ИХ ЕЛЕАЗАРА В этот день совершается чин малого освящения воды. По обычаю, освящение меда нового сбора	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/иерей Александр/</i>
15 августа Среда	Блж. Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца	
16 августа Четверг	Прп. Антония Римлянина, Новгородского чудотворца	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
17 августа Пятница	Свв. семи отроков, иже во Ефесе	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
18 августа Суббота	Мч. Евсигния	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
19 августа Воскресенье	ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

КАК НАДОБНО МОЛИТЬСЯ УРОК ТРЕТИЙ

Чтобы успешнее совершать молитвословие надлежащим образом, делай вот что: 1) Имей молитвенное правило, с благословения духовного твоего отца, не большое, но такое, которое мог бы ты исполнять неспешно при обычном течении твоих дел. 2) Прежде чем молиться, вчитайся, когда есть у тебя более свободное время, в молитвы, которые входят в твое правило; пойми вполне каждое слово и прочувствуй его, чтобы тебе наперед знать, что при каком слове должно быть у тебя на душе, а еще лучше, если положенные молитвы заучишь на память. Когда сделаешь так, то во время молитвословия легко тебе будет понимать и чувствовать. Останется одно затруднение: мысль летучая все будет отбегать на другие предметы. Тут надо вот что: 3) Надо употребить напряжение на сохранение внимания, зная наперед, что мысль будет отбегать. Потом, когда во время молитвы она отбежит – вороти ее, опять отбежит – опять вороти, и так всякий раз. Но всякий же раз, что будет прочтено во время отбегания мысли, и следовательно, без понимания и чувства, не забывая прочитывать снова, хотя бы мысль несколько раз отбегала на одном месте, читай его несколько раз, пока не прочтешь с пониманием и чувством. Одолеешь однажды это затруднение – в другой раз, может быть, оно и не повторится, а если и повторится, то уже не в такой силе. Но может случиться и то, что иное слово так сильно действует на душу, что ей не захочется простираться в молитвословии далее, и хоть язык читает молитвы, а мысль все отбегает к тому месту, которое так действовало на нее: в таком случае 4) Остановись и не читай далее, а постой вниманием и чувством на том месте, попитай им душу свою или теми помышлениями, которые оно будет производить, и не спеши отрывать себя от этого состояния, так что, если время не терпит, оставь лучше правило недоконченным, а

этого состояния не разорвай. Оно, может быть, будет осенять тебя целый день, как ангел-хранитель. Такого рода благодатные воздействия на душу во время молитвословия означают, что дух молитвы начинает внедряться, и потому надо хранить такое состояние, ибо оно есть самое надежное средство к воспитанию и укреплению в нас духа молитвенного.

Кончив свое молитвословие, не тотчас переходи к каким-либо занятиям, а тоже, хоть немного, постой и подумай, что это совершено тобою и к чему тебя это обязывает, стараясь, если дано тебе что восчувствовать во время молитвы, сохранить то и после молитвы. Впрочем, если кто совершит свое молитвословие как должно, то и сам не захочет тотчас озабочиваться внешними делами. Таково уж свойство молитвы! Что говорили предки наши, возвратясь из Царьграда: «кто вкусит сладкого, тот не захочет горького», – то сбывается со всяким, кто хорошо помолится во время своего молитвословия. Вкушение этой молитвенной сладости и есть цель молитвословия, и если молитвословие воспитывает дух молитвенный, то именно чрез это вкушение.

УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

Но на начальном способе воспитания в себе духа молитвенного, то есть на сообразном с своим назначением совершением молитвословий останавливаться нельзя: надо идти далее. Припомните, как учатся, например, языкам. Сначала заучивают слова и обороты речи по книгам, но на этом не останавливаются, а стараются помощью того доходить, и действительно доходят до того, что сами, без пособия заученного, ведут правильно речь долгую на изучаемом языке. Так надо поступать и в деле молитвы. Мы навикаем молиться по молитвенникам, то есть по готовым молитвам, переданным нам Господом и святыми отцами, преуспевшими в молитве, но на этом одном останавливаться не должно. Надо простираться далее и, навывнув умом и сердцем обращаться к Богу с стороннею

помощию, делать опыты и своего собственного возношения к Нему, доходить до того, чтобы душа сама, своею речью, вступала в молитвенную беседу с Богом, сама возносилась к Нему, сама открывала себя Ему и исповедовала, что такое есть в ней и чего ей желательно. Надобно и к этому приучить душу, а как успеть в этой науке, укажу кратко.

И навык с благоговением, вниманием и чувством молиться по молитвенникам ведет к тому же. Как из переполненного сосуда сама собою изливается вода, так и из сердца, посредством молитвословий исполнявшегося светом чувств, сама собою начнет исторгаться своя молитва к Богу. Но есть и особые, исключительно к этой цели обращенные правила, которые должен принять к исполнению всякий желающий успеха в молитве.

Отчего это, скажете, сколько лет иные молятся по молитвенникам, а все еще не имеют молитвы в сердце? Думаю, между прочим, оттого, что только в ту пору несколько и напрягаются возноситься к Богу, когда совершают молитвенное правило, а потом, во все продолжение дня, о Боге и не вспоминают. Кончат, например, свои утренние молитвы и думают, что по отношению к Богу все уже и сделано; затем целый день дело за делом, забота за заботой, а о Боге ни слова, ни помину; разве уж к вечеру (да и то слава Богу) придет на мысль, что вот опять скоро надобно становиться на молитву. От этого происходит то, что если Господь и дает какое-либо доброе чувство утром, то его заглушает суэта и многодеятельность дневная. Оттого и вечером не бывает охоты молиться: человек никак не совладеет с собою, чтоб хоть немного умягчить свою душу, и молитва вообще худо спелась и зреет. Вот эту-то почти всеобщую неправоту и надобно исправить, то есть надо сделать так, чтобы душа не тогда только обращалась к Богу, когда человек стоит на молитве, но в продолжение всего дня сколько можно непрерывно возносилась к Нему и пребывала с Ним.